

КНЯЗЬ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ,

или

РОССІЯ въ НАЧАЛѢ XVII СТОЛѢТІЯ.

Сочиненіе О. ШИШКИНОЙ.

Часть четвертая.

„О такомъ знаменитомъ человѣцѣ
проплака вся земля неутѣшно, и горь-
каго того рыданія немощно изглаголати
днесь“.

Аврамій Палицынъ.

„Отъ древнихъ до новѣйшихъ вре-
менъ Россіи, никто изъ подданныхъ не
заслуживалъ ни такой любви въ жизни,
ни такой горести и чести въ могилѣ!“

Карамзинъ.

КНЯЗЬ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

IV.

КНЯЗЬ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ,

или

РОССІЯ ВЪ НАЧАЛѢ ХVІІ СТОЛѢТІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Была пора: губительный раздоръ
Вездѣ леталъ съ хоругвию кровавой;
За нимъ во слѣдъ бѣжали гладъ и моръ;
Разбой, грабежъ и мщеніе были славой.

* *
*

И набожный графъ, умиленный душой,
Колѣна свои преклоняетъ
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ Тѣмъ, Кто живить и спасаетъ.

Жуковский.

У небольшого, опрятнаго домика, на берегу Москвы рѣки, мужчина и женщина сидѣли рядомъ на завалинѣ, упершись въ бревенчатую стѣну. Глядя на нихъ, можно было думать, что ихъ постигло или тяжкое, невозвратное бѣдствіе, или что въ первый еще разъ послѣ мучительной болѣзни вышли они подышать чистымъ воздухомъ. Блѣдныя, изсохшія ихъ лица и впалые глаза пугали проходящихъ. Спѣшившіе въ хлѣбныя лавки купцы остерегались встрѣтить взоры ихъ, живо выражавшіе странное, неимовѣрное смѣшеніе самыхъ противоположныхъ чувствъ.

День былъ прекрасный и все дышало роскошью, все располагало къ сладкимъ мечтамъ.

Что то застучало и послышался крикъ ребенка. Сидѣвшая на завалинѣ женщина встrepенулась, привстала, но скоро, зажавъ

пальцами уши, опять опустилась на прежнее мѣсто. Отвратительная, адская улыбка искривила посинѣвшія губы ея товарища: онъ сдѣлался похожъ на мертвеца, осужденнаго за страшныя злодѣянія вѣчно скитаться по землѣ.

— Авось! прошепталъ онъ, скоро останется одинъ.

Отворивъ окно, дѣвочка лѣтъ четырнадцати высунулась въ него до половины; черты ея были прелестны, но она походила на скелеть.

— На что вы здѣсь заглядѣлись? вскричала она съ содрогающимъ, увидя отца и мать, какъ будто равнодушно слушавшихъ плачевные вопли. Бѣгите скорѣе въ хоромы. Я вышла набрать травки на похлебку, а безъ меня Данилка видно полѣзъ искать хлѣба, и сваясь съ подмостковъ, ударился вискомъ о поставецъ: какъ изъ убитаго барана льется кровь.

Слова эти раздались въ душѣ изнеможенной женщины; она вбѣжала на крыльцо, но у самыхъ дверей ея колѣни подогнулись, духъ занялся, и она, ухватясь обѣими руками за порогъ, съ невыразимымъ отчаяніемъ слышала рыданія дочери, не знавшей, какъ помочь умирающему брату.

Проходя мимо, хорошо одѣтый старикъ хотѣлъ спросить у оставшагося на улицѣ мужчины, что происходитъ въ этомъ домѣ, но, посмотрѣвъ на него, не могъ промолвить ни одного слова. Онъ угадалъ причину страданій, обезобразившихъ лицо его, заглушившихъ въ немъ всѣ чувства, и вынувъ изъ кармана горсть серебра, подаль его съ особенною ласкою. Несчастный изумился; жадные взоры его устремились на деньги; онъ схватилъ ихъ, но тотчасъ бросилъ съ презрѣніемъ.

— «Хлѣба!» сказалъ онъ задыхающимся голосомъ; хлѣба! и протянулъ руку, на которой можно было перечестъ всѣ суставы.

— Пойдемъ со мною, сказалъ прохожій; своякъ мой живетъ недалеко, и радъ будетъ угостить тебя.

За нѣсколько недѣль всѣ, знавшіе Лаврентья, дивились красотѣ его и крѣпкому сложенію. Онъ самъ думалъ, что силы не могутъ измѣнить ему, и услышавъ сдѣланное ему приглашеніе, проворно всталъ и пошелъ за старикомъ, не сомнѣваясь, что онъ поможетъ и его семейству. Замѣтивъ, что онъ шатается какъ пьяный, незнакомецъ сталъ его поддерживать. Лаврентій скоро совсѣмъ на него навалился; глаза его блестяли какъ у хищнаго звѣря, и онъ,

страстно желая дойти до находившагося въ виду дома, гдѣ обѣщали его накормить, съ жадностью глоталъ воздухъ, надѣясь этимъ подкрѣпить себя. Онъ подвигался впередъ, какъ кукла, въ которой пружины примѣтно слабѣли и портились, и наконецъ, быстро взглянувъ на проводника своего, что то проговорилъ и упалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилища, въ которомъ ожидало его радушное гостепріимство.

Между тѣмъ горестная мать кой-какъ притащилась въ небольшую комнату, гдѣ дочь ея сидѣла на полу, прислонясь къ стѣнѣ; малолѣтній ея братъ, переставшій уже плакать, лежалъ у нея на колѣняхъ. Жестокій испугъ сильно подѣйствовалъ на слабую, изнуренную худою пищею дѣвочку, у нея кружилась голова, свѣтъ меркъ въ глазахъ ея; но думая, что убившійся ребенокъ крѣпко уснулъ, она превозмогла собственное страданіе и едва осмѣливалась дышать.

Видѣть такимъ образомъ страдающихъ дѣтей было бы мучительно для самой грубой матери. Елена же, пылкая и честолубивая, страстно любила сына и дочь; она гордилась ихъ красотою и рѣдкимъ понятіемъ; надѣялась, что со временемъ они доставятъ ей богатство и отличія, о которыхъ она всегда мечтала, какъ о высшемъ блаженствѣ. Лаврентій считался въ числѣ искуснѣйшихъ золотильщиковъ, ему щедро платили за труды его, но, угождая женѣ, онъ жилъ роскошно и самъ будучи довольно безпеченъ, не старался заблаговременно обезпечить участь своихъ дѣтей. Когда безбожные корыстолюбцы возвысили цѣну хлѣба слишкомъ въ пятеро противъ прежняго, семейство его скоро почувствовало всѣ ужасы нищеты. Встревоженные дороговизною, и ожидая, что Лжедимитрій овладѣетъ Москвою, самые достаточные граждане заботились только о своей безопасности, не думая уже объ украшеніи домовъ и храмовъ.

Непредусмотрительный художникъ остался безъ дѣла, а деньги, имъ прежде выработанныя, давно были расточены на веселья и наряды.

Тщетно ожидали они счастливой переменъ. Общія бѣдствія ежедневно увеличивались; люди умирали съ голоду, и незадолго передъ тѣмъ слышій богачемъ Лаврентій, ожесточенный ужаснѣйшею изо всѣхъ мукъ, въ припадкѣ бѣшенства едва не задушилъ жены: самая жизнь дѣтей сдѣлалась для него тяжкимъ бременемъ.